

Панченко ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ФУТУРОЛОГИЧЕСКИХ ПРОГНОЗОВ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ ПАРАДИГМЫ

Вступив в третье тысячелетие, человечество, по-видимому, как никогда ранее, осознает неустойчивость своего бытия. Эта особенность Новейшей истории проявляется через две главные тенденции жизни современного общества – интеграции и дезинтеграции. Вследствие расширения социального пространства до глобальных масштабов, ускорения темпа социальных изменений, с одной стороны, развивается «чувство локтя», осознание единства судьбы человечества, а с другой, происходит смещение векторов развития от макро - к микросоциальным отношениям, этнической национальной обособленности, усиливается многообразие самоидентификаций людей.

В этих условиях для социальных наук необычайно актуальна задача поиска метафизического ответа на исходящие от жизни вызовы, определения источников главных тенденций современного исторического процесса, выбора оптимальных возможностей развития цивилизации.

Ситуация осложняется еще одним парадоксальным обстоятельством, связанным с коллапсом либерально-демократической идеи «победившего» Окцидента, редуцированной до удовлетворения запросов потребителя. Кризис западной идеологии в то же время стал причиной активизации усилий поиска выхода из него. Как отмечал А. Неклесса, уже в 1960-1970 годы в мировой социальной науке «кристаллизовались интеллектуальные концепты»: появилась деполитизированная модель «индустриального общества» (У. Росту – Р. Арон), создаются теории «конвергенции» развитых стран (Дж. Голбрейт) и «догоняющей стратегии» стран третьего мира (П. Сорокин, О. Флехтхейм), «посткапиталистического общества» (Р. Дарендорф), конструируются модели будущего «постиндустриального» (Д. Белл), «информационного» (М. Маклюен, Дж. Несбит), «технотронного» (З. Бжезинский) общества, формируется новый «мир-системный» подход И. Валлерстайна и др. Для конкретного решения насущных глобальных проблем создаются международный интеллектуальный центр прогнозирования, Римский клуб (А. Печчеи) и т.д. [1, С. 4-5].

Примечателен тот факт, что всеобщие вопросы развития социума, являющиеся прерогативой социальной философии и философии истории, в основном, решаются не столько философами, сколько социологами, экономистами, историками, культурологами и политологами. Выходя за пределы конкретной науки, их видные представители предпринимают попытки создания универсальных доктрин развития цивилизации. Это само по себе указывает на то, что «сумерки для вылета совы Минервы сгустились», наступило время «собирать философские камни», определить границы эпохи, перспективы и векторы развития новейшей истории.

В диффузном и труднообозримом поле социальных учений теория постиндустриального общества представляет особый интерес по причинам, во-первых, ее типичности и, во-вторых, благодаря научной аргументированности посылок и выверенности многих выводов.

Глубокий анализ основных характеристик этой концепции, прежде всего, ее социологического аспекта, был дан директором Центра исследований постиндустриального общества, известным российским ученым В.Л. Иноземцевым [2, 3]. Автор явился также инициатором опубликования на русском языке трудов ее основателей: Д. Белла, П. Дракера, Дж. Голбрейта, Ф. Фукуямы, Л. Туроу и др.

Но не менее интересен философский аспект данной доктрины. Основную причину возникновения теории постиндустриального общества ее создатели видели в необходимости преодоления не отвечающих требованиям дня позитивистских и историчистских классификаций общества, выработку новых методов социального прогнозирования и выявление на их основе тенденций и перспектив развития современного исторического процесса.

Обосновывая методологию новой социальной модели, американский социолог Д. Белл отмечал, что постиндустриальная концепция – это именно отличный от прежних взгляд, «точка зрения» на общественную систему и источники ее развития, ни в коей мере не отвергающий прежние подходы («Все мы – эпигоны классиков»). Это идеальная аналитическая конструкция, парадигма, социальная схема, выявляющая новые «оси» социальной организации и стратификации в развитом западном обществе [4, С.655]. С ее помощью на прежние теоретические картины социума, не смывая их, наносится новый концептуальный рисунок, подобно свежим мазкам художника, наносимым на старую фреску. Таким образом, указанный автор постиндустриальной модели общества фактически объявляет себя сторонником модернистского философского феноменологического метода познания, наследуя присущие последнему противоречия, усиливая их благодаря наличию в доктрине мощной струи постмодернизма. Руководствуясь этой методологией, западные ученые стремятся быть максимально объективными, учитывают как результаты социологических исследований предшественников, так и новые социальные факты. Предпринята попытка системного анализа западного общества, трансформации всех его компонентов в историческом времени. Здесь представляется уместным отметить, что сам неологизм «постиндустриальное общество» впервые употребил американский социолог Д. Рисман, характеризуя им современное общество односторонне узко, как «общество досуга». Поэтому подлинным основателем концепции по праву считается другой американский социолог, профессор Гарвардского университета Д. Белл, изложивший в своих работах, прежде всего в книге «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования», опубликованной в 1973 году в США, основные принципы новой социальной доктрины. Создавая более целостную теорию,

ученый не ограничился дискурсом с социологическими концепциями второй половины XX века, но феноменологически деконструирует взгляды А. де Сен-Симона, К. Маркса, Э. Дюркгейма, М. Вебера, В. Зомбарта, Й. Шумпетера и других выдающихся представителей социологии и социальной философии.

Присущая методологии модерна противоречивость, выражающаяся, с одной стороны, в нацеленности на научную объективность, скрупулезность, тщательность в отборе и анализе фактов, взглядов предшественников, как осадок сциентистской установки классики, а с другой – условность и произвольность трактовки теорий, в концепции постиндустриального общества дополнена постмодернистскими интенциями релятивизма и эклектики. Объективной причиной возникновения последних стала возросшая комплексность социальных систем, неопределенность, изменчивость исторических потоков, обусловленная небывалым проявлением в XX веке креативного начала субъектов социального действия. Не случайно почти все социологические модели современного общества именуются с использованием неопределенного слова «пост-» («посткапиталистическое», «постбуржуазное», «пострыночное», «постэкономическое» общество и т.д.). «В этой связи следует отметить, – считает В.Л. Иноземцев, – что понятие постиндустриального общества оказывается наиболее совершенным из всех определений. Оно акцентирует внимание на той основной черте, которая преодолевается в формирующемся новом обществе, а именно на индустриальной природе прежнего способа производства; при этом совершенно справедливо предполагается, что отдельные признаки нового общества не могут быть четко названы и описаны, пока не будет завершено хотя бы в основном его формирование» [2, С. 16]. Артикуляция релятивной методологической компоненты заметна и в отношениях к социальным доктринам современников: Р. Дарендорфа, Р. Арона и др. «Равноправие» точек зрения не мешает увидеть в них общее. Все они, считает Д. Белл, продолжают развивать не основную, вторую по счету линию социальной теории К. Маркса – эволюцию производительных сил, технологий, ставших главной пружиной динамики современного общества. Эта вторая линия вытеснила первую, полагавшую источником социального развития общества противоречия в отношениях к собственности.

Противоречивость методологии, благодаря релятивной и эклектической доминантам, отчетливо видна и в самом содержании теории постиндустриализма. Дистанцируясь от эмпирически и рационально не выверенных, научно недобросовестных концепций будущего, «футурологического чтива», авторы модели постиндустриального общества заявляют, что время для создания целостной социальной концепции такой же степени универсальности как марксистская, характеризующей одновременно и состояние и изменение общества (синхронно и диахронно), не наступило, так как само современное общество находится в переходной стадии. Д. Белл, например, приходит к выводу, что социум на уровне региона, национального государства не представляет ныне целостной системы. Это скорее конгломерат. Глобализация, охватившая все сферы жизнедеятельности общества, полностью разрушила прежнюю его системность. Поэтому сегодня можно вести речь лишь об отдельных пересечениях и некоторых общих аспектах взаимодействия социальной, экономической, политической и культурной сфер. Но реальная история только и состоит из переходных эпох. Любая эпоха есть состояние перехода. Проблема заключается в его понимании и объяснении. Поэтому, стремясь к научной объективности и логической завершенности, Д. Беллом одновременно делается попытка «уложить» многообразие этих взаимодействий в общую идеально-типическую схему, базирующуюся на «осевом технологическом принципе». Ведущая область функционирования современного социума, по мнению сторонников этой теории, – социально-технологическая, включающая в себя экономику и систему стратификации. Исторически ее эволюция представлена как последовательная смена эпох: добывающей (доиндустриальное общество), обрабатывающей, с характерными чертами изобретательства и новаторства (индустриальное общество) и, наконец, эпоха массового расширения и внедрения новых технологий, прежде всего, компьютеров, теле- и видеокommunikаций и др. (постиндустриальное общество). Основным критерием прогресса для стран, уже вступивших в этот период – развитых государств мира – стал не уровень жизни населения, а ее качество, измеряемое различными услугами и удобствами: здравоохранением, образованием, отдыхом и культурой досуга. «Осевым принципом» общества становятся не сами по себе технологии, а организационно-технические знания людей. Акцент переносится с экономизма на социологизм.

Инверсии претерпевает и социальная сфера. Изменяется и ее «осевой принцип». В социальной структуре современного развитого общества выделяются три типа основных социальных групп: «статусные», «ситуативные» и «группы контроля». Главным условием приобретения высокого положения в обществе становится не собственность, а знания. В социальную элиту попадают, прежде всего, управленцы-менеджеры, потесняя собственников и технократов. В «нижнем этаже» социальной «вертикали» возрастает доля и роль специалистов сферы услуг, вытесняющих производителей. Одновременно дифференцируются и «горизонталь» социума, ситуасы. Ими Д. Белл обозначил социальных субъектов, связанных с различными предпринятиями, корпорациями и другими социальными-технологическими институтами. Повышается, прежде всего, авторитет университетов, связанных с «производством» технологического знания. Поскольку представители каждой статусной группы распределены и между различными ситуасами, социальная структура и отношения в постиндустриальном обществе значительно усложнятся. Это приведет к продолжению роста значимости групп контроля – бюрократического аппарата. Но и здесь возвысятся профессионалы – специалисты. Во всех случаях у власти окажутся наиболее способные люди разносторонних талантов (меритократия). Впоследствии, однако, вновь останется неразрешенная «вечная» проблема наследственных прав и неравенства, получения благ «не по заслугам».

В постиндустриальном обществе социально-технологические изменения будут сопровождаться также возрастанием роли политических решений. По мере расширения социально-экономических систем политикам придется все глубже осваивать технологические (технические) аспекты. Специалисты же в экономике, управленцы вынуждены будут все чаще наталкиваться на нетерпимость политических интересов и эмоций. Правящая бюрократическая элита встретится так же с противоборством все более демократизирующейся силы населения, стремящегося участвовать в принятии решений.

Согласно постиндустриальной модели в обществе все больше перемен будет инициировать и культурная сфера. В условиях, когда экономика вынуждена удовлетворять сиюминутные желания, в жизнедеятельности общества все отчетливее будет проявляться «эффект А. Токвиля» – возрастание чувствительности людей (идеосинক্রазии) по мере удовлетворения их потребностей. Человек все более становится интровертным. Протестная контркультура вытеснит массовую. Но возвышение креативно-потребительского начала индивидов повлечет за собой и негативное отношение к традициям и моральным устоям. По мнению Д. Белла, это станет «самым сильным вызовом постиндустриальному обществу», основной причиной непредсказуемости его дальнейшего развития.

Каковы же долгосрочные прогнозы развития мирового цивилизационного процесса согласно теории постиндустриального общества? Прежде чем ответить на этот вопрос, сделаем небольшое отступление: сравним данную концепцию с футурологией в узком смысле слова. Критическое отношение видных ученых-социологов к новому своеобразному течению мысли, как было уже отмечено, вызвано недостаточной аргументированностью, утопичностью многих ее прогнозов, рассчитанных якобы на эпатаж читающей публики ради собственного авторитета. Но при этом не вскрывались причины иллюзорности отдельных футурологических прожектов. На наш взгляд, она кроется в изначальных посылах футурологов, суть которых не нова. Она заключается в еще одной неудачной попытке решить проблему соотношения конкретно-научного знания и философии в определенной сфере, в понимании будущего. Идеальный вдохновитель футурологии, немецкий ученый О. Флехтгейм стремился создать «научную философию будущего». При реализации этой попытки гармоничной корреляции не получилось, так как предпочтение отдавалось изначально конкретно-научному знанию. Такая мировоззренческая позиция, именуемая сциентизмом, имела, как известно, место и ранее, в немецкой классической философии и... потерпела фиаско. Новое «гибридное дерево» также принесло фантастические плоды. Однако проблема осталась!

«Открещиваясь» от прогнозов футурологов, авторы и создатели постиндустриальной модели общества в целом близки к тем же исходным мировоззренческим презумпциям (предположениям). Но результат парадоксальным образом оказывается противоположным – полный отказ от выдвижения каких-либо «дальних» прогнозов, ввиду недостаточности научной аргументации и наличия фактуальной базы. Настроение растерянности усиливается по мере эволюции теории от сдержанно-оптимистического в 1960-е годы, до эсхатологически-пессимистического – к концу XX века. Сторонники постиндустриальной социологической доктрины принципиально не поднимают и вопрос об общественном прогрессе и его критериях. Подобная тенденция характерна и для всей современной социологии.

Тем не менее, будучи не только учеными, но и людьми, они обречены делать обобщения социо- и историсофского характера. И в этом смысле авторы теории постиндустриализма не менее футурологичны. В отсутствие универсально-целостной философской концепции общества, на которую можно было бы твердо опереться, несмотря на всю принципиальность и научную добросовестность, они находятся в состоянии неопределенности, руководствуясь постмодернистским мировоззрением. При всем при том многие заключения и выводы философского характера ученых-социологов содержат изрядную долю истины и обладают значительным потенциалом для дальнейшего социософского и историсофского дискурса.

Так, например, поднимая до уровня всеобщего технологический принцип, предлагается периодизация мирового цивилизационного процесса через анализ изменений отношений общества с двумя другими основными составляющими Универсума, индивидами и природой. На начальной ступени человеческой истории, доиндустриального общества, основным являлось отношение «человек-естественная природа». На следующей, второй ступени, индустриального общества, оно трансформировалось в отношение «человек-техника». Наконец, в нынешнюю современную эпоху, постиндустриальную, ведущим становится отношение «человек-человек», то есть «игра между людьми». Такой вывод – это уже философская интуиция без доли шекспировской метафоричности, определяющая и будущее, со всеми вытекающими последствиями, в том числе и руководством к дальнейшей конкретной деятельности. Размышляя над этим выводом, можно сделать по крайней мере два замечания и извлечь два важных урока. Во-первых, следует отметить, что данная посылка – заключение имеет под собой определенные обоснования, как теоретического, так и эмпирического характера. Напомним, что авторитетная сегодня теория синергетики доказывает, что устойчивость любых материальных систем прямо пропорциональна их открытости, взаимодействию с другими системами. Неопределенность (стохастичность), хаос процессов в системе – залог ее устойчивости. Поэтому эмпирически наблюдаемый социологами рост динамизма, противоречий отдельных субъектов исторического процесса (интересов наций, государств, регионов и пр.) должен приветствоваться. Несмотря на обозначившуюся тенденцию к утрате странами Запада мирового лидерства, полагают сторонники рассматриваемой доктрины, в будущем переход человечества к постиндустриальной эпохе неизбежен и должен внушать оптимизм.

Но, вместе с тем, во-вторых, человечество не есть только материальная система. В этом его «плюсы» и «минусы». Превратившись, как предсказывал академик В.И. Вернадский, в самостоятельную мощную геоло-

гическую силу, оно имеет как возможность к бесконечному освоению космоса, так и к самоистреблению. Неопределенность, как главное свойство «игры» и как условие функционирования материального бытия, не может устроить другую, духовную сущностную составляющую человечества. Для обретения уверенности в завтрашнем дне, по-видимому, следует изменить исходную установку постмодернистского мировоззрения, смысл которой афористически ярко и философски глубоко выразил еще в XIX веке признаваемый предтечей постмодерна Ф. Ницше, провозгласивший, что истина есть лишь «тот род заблуждения, без которого определенный род живых существ не мог бы жить» [5, С. 55]. Если отнестись к жизни серьезно, а для несерьезного отношения к ней у людей времени остается все меньше, следует признать, что «игра» не может служить основой для решения великих дел. Чтобы осуществить заветную мечту человечества, превратить социальное бытие в «regretum mobile», «маятник истории», раскачиваясь между субъектами социума и природой, должен стремиться к установлению гармонии колебаний. Энергичным источником служат оба основных элемента, при определяющей роли субъективного фактора. Этот выход просматривается и в концепции постиндустриального общества. Рост знаний, роли культурной, политической составляющих в жизни современного социума обуславливают необходимость и возможность построения нового «духовного дома», фундаментом которого может стать гармоничное сочетание креативного (творческого) начала, уравновешенное общечеловеческими культурными, прежде всего, этическими ценностями, идеалами и принципами. Многие из них уже содержатся в традициях различных народов и цивилизаций. «Человеческое существование в его историческом понимании – отмечал основатель теории «индустриального общества», известный французский мыслитель Р. Арон, – по своей сущности – категория создания и утверждения ценностей [6, С. 515].

Исходя из этой, а также из ранее изложенных основоположений постиндустриальной концепции, можно сформулировать некоторые общие выводы и извлечь следующие философские уроки:

1. Несмотря на социолого-технистскую ограниченность, теория постиндустриального общества представляет один из важных срезов реального процесса жизни современного общества второй половины XX столетия.

2. Нацеленная на всеобщее ближайшее будущее человечества, преодоление идеологического и политического противоборства двух мировых систем через обнаружение их существенного сходства в социально-экономической сфере бытия она оказалась верной и подтвердилась исторической практикой.

3. В данной концепции посредством выявления возрастающего влияния культурного, политического «осевых принципов» не только в этих областях жизни, но и в целом в обществе намечаются и пути выхода из кризисных ситуаций, ответы на исходящие от человечества и природы вызовы.

4. Недостатки и ограниченность теории во многом обусловлены тупиковой, ведущей в никуда, в хаос неопределенности философией постмодернизма. Но противоречия мировоззренческо-методологического характера одновременно выявляют подлежащие разрешению актуальные проблемы: нового видения взаимодействия науки и философии, исторического и генерализирующего методов познания социума, нахождения точек соприкосновения, многообразных тенденций современной истории и др. Очевидный крен теории постиндустриального общества в сторону науки, унификации привел ее к парадоксальным результатам.

5. Поиск выхода должен быть направлен на активизацию деятельности философов по выработке современных альтернатив постмодернистскому мировоззрению. Конкретно эта задача может быть реализована через создание новых социо- и историософских моделей нового уровня универсальности, системности и гармоничности. Образцом, на наш взгляд, является теория общественно-экономических формаций К. Маркса, как пример целостности, единства синхронно-диахронных моментов. Однако «ретуширования», «подновления» ее явно недостаточно [7], о чем свидетельствуют и социологические исследования, содержащиеся в теории постиндустриального общества.

СЛОВАРЬ ОСНОВНЫХ ТЕРМИНОВ

Окцидент – Запад, западные страны.

Осевой принцип – исходная идея, идеальная сущность той или иной сферы социального бытия.

Парадигма – образец, исходная концептуальная схема, включающая как методологические принципы, так и основные концепты теории.

Постмодернизм – философское направление, возникшее в 60-70г. 20 века, сущность которого в абсолютизации субъективного творческого начала.

Постиндустриальное общество – обозначение новой стадии социального развития, преодолевающей предыдущую индустриальную. Основу его составляет технологический уровень знаний.

Сциентизм – мировоззрение, полагающее научное знание наивысшей культурной ценностью и главным условием ориентации человека в мире.

Футурология, в широком смысле - любые представления о будущем человечества, в узком - синоним научного прогнозирования социальных процессов.

Литература

1. Неклесса А. Реквием XX веку. //Мировая экономика и международные отношения. – М., 2000. – №1. – С. 4-5.

2. Иноземцев В.Л. Постиндустриальный мир Даниела Белла. // Д. Белл. Грядущее постиндустриальное общество. - М.: Academia, 1999. - LXXXIVс.
3. Иноземцев В.Л. Новая постиндустриальная волна на Западе. - М.: Academia, 1999. - 640с.
4. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. - М.: Academia, 1999. - 783с.
5. Ницше Ф. Воля к власти. Соч. Т. 9. - СПб., 1910. - С. 55.
6. Арон Р. Этапы развития социологической мысли. - М.: Прогресс, 1993. - С. 515.
7. Барулин В.С. Социальная философия: Учебник для вузов. - М.: Гранд, 1999. - 555с.

РЕЦЕНЗИЯ

На статью Панченко Олега Викторовича, ст. преподавателя Севастопольского института ядерной энергии и промышленности «Философский аспект

футурологических прогнозов постиндустриальной парадигмы»

В статье дан философский анализ одной из самых значительных социологических теорий современности, выражающий в концентрированной

форме типичную для большинства социологических учений второй половины XX века социо-экономическую доминанту. Автором поднята актуальная проблема, верно отмечено, что при всем многообразии существующих социальных концепций будущего (необходимость создания которых не вызывает сомнений) в их труднообозримом поле отсутствует адекватное целостное философское видение происходящих в мире социальных процессов. Всесторонняя философская экспликация постиндустриальной доктрины, выявление причин ее ограниченности и противоречивости, мировоззренческого смысла ее выводов и прогнозов развития современной цивилизации представляет собой определенную ступень к созданию целостной философской модели Новейшей истории и исторического процесса в целом. Представляется продуктивной мысль о необходимости гармонического сочетания действий социальных субъектов как в практике, так и в методологии социального познания для преодоления существующего кризиса.

В целом, статья содержит определенный научный потенциал и новизну и рекомендуется к публикации.

Доктор исторических наук,
профессор, зав. кафедрой
социально-экономических дисциплин СИЯЭиП
Сидорук

Д.Г.

Подпись профессора Сидорука Д.Г. заверяю

Помощник ректора по кадровой и трудовой работе
цев

В.В. Лям-

М.П.